

**«БУДДИЗМ В СРАВНЕНИИ С ХРИСТИАНСТВОМ»
В.А.КОЖЕВНИКОВА:
АПОЛОГЕТИКА ХРИСТИАНСТВА
ИЛИ ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА?**

Т.В. БЕРНЮКЕВИЧ

Определяя особенности влияния буддийской философии на культуру России нельзя не учитывать многоплановость этого воздействия, вследствие чего его анализ должен включать исследование многих философско-культурологических проблем, среди которых – вопросы формирования философской культуры России, куда органично входила проблема диалога «Восток – Запад»; проблемы изучения «чужой культуры», его способов и методов.

В данном контексте важным является и вопрос о том, как воспринимался и исследовался буддизм в русской философии. В этом плане серьезного внимания заслуживает объемный труд В.А. Кожевникова «Буддизм в сравнении с христианством». В 2002 г. исполнилось 150 лет со дня рождения и 85 лет со дня смерти Владимира Александровича Кожевникова. В связи с юбилеем было осуществлено переиздание его исследования о буддизме, давно ставшее библиографической редкостью. В 1916 г. вышло в свет два достаточно объемных тома этого труда, третий (это было в разгар войны) издан не был¹.

В основу этого, к сожалению, незаконченного, труда В.А. Кожевникова были положены публичные лекции, прочитанные автором в Медведниковской гимназии в Москве и в собраниях «Кружка ищущих христианского просвещения» в 1908 – 1909 гг. За два года до этого была издана работа «Индусский аскетизм в добуддийский период» (1914), которую, по мнению В.К. Шохина, можно рассматривать «как своего рода историко-религиоведческую прелюдию к его буддологическому изысканию»².

Кожевников достаточно четко определяет необходимость и задачи своего исследования. Как он считает, «боль-

шинству русской читающей публики, несмотря на замечающийся в ней интерес к буддизму, произведения буддийской словесности остаются труднодоступными... Между тем обилие появляющихся за последнее время популярно изложенных книг, в которых, как, например, в касающихся необуддизма и теософии, идей и тенденций первоначального буддизма нередко передаются в очень неточном, а иногда и в совсем превратном виде, создает для читателей, незнакомых с памятниками буддийской словесности, серьезную опасность получить искаженное понятие о подлинном буддизме...»³. Поэтому автор «решился на самостоятельную попытку дать обзор жизни и деятельности Будды после образцовой по научной основательности и классической по содержательной сжатости изложения книги Ольденберга и еще более кратких, но знатоками предмета написанных очерков Рис – Дэвидса и Пишеля»⁴. Еще одним «добавочным побуждением» к работе автор называет «желание противодействовать вышеуказанным, объективным способом тем грубо ошибочным представлениям о сходстве буддизма с христианством и о влиянии первого на второе, которые находят такое широкое и нередко сочувственное распространение, благодаря массе непрерывно умножающихся книг и книжонок на эту “пикантную” тему»⁵.

Как относился Кожевников к сравнительным исследованиям и, в частности, к сравнительному религиоведению, которое в то время становилось значимой отраслью гуманитарного знания? В первой главе своего труда «Значение сравнительного изучения религий вообще и в прояснении к христианству» Кожевников весьма высоко определяет значимость сравнительного изучения религий в общем процессе историко-критического понимания религии во второй половине XIX в. По его мнению, «только этим путем могли быть исправлены преобладавшие до тех пор и поверхностные точки зрения на религию: отвлеченно-деистическая и тенденциозно-рационалистическая»⁶. Другой положительной чертой развития данного направления явилось то, что «тем же путем, без полемического задора, опровергаемый одними фактами исторического опыта, пал длинный ряд тенденциозных предубеждений рационализма относитель-

но религии»⁷. Кожевников отмечает позитивное, благоприятное значение результатов сравнительного изучения религий для христианства, так как благодаря знакомству с другими верованиями «особенно ярко выяснилась и ценность христианства по существу и величие его исторической задачи, и его огромные культурные заслуги»⁸. В то же время, как пишет автор, наряду с «крупными научными приобретениями», можно отметить и «некоторые опасные злоупотребления» использования этого метода. Он это связывает с употреблением его среди «противников христианства» или в «боевой литературе неверия»⁹. Но наибольшую опасность по сравнению с этой памфлетной литературой, по мнению Кожевникова, представляют рассуждения, которые «облекаются в форму спокойного, популярно-научного изложения в произведениях писателей, отрицательно относящихся ко всякой религиозности и потому способных по существу правильно понять психологическую сторону обсуждаемого предмета»¹⁰.

Особое внимание в начале своей книги Кожевников уделяет проблеме, выносимой им в название одного из разделов — «Сближение буддизма с христианством новейшей критикой и современное сочувствие буддизм на Западе. — Буддофильская пропаганда. — Важность изучения буддизма в наше время». Именно в данной части Кожевников пишет о «неумышленных заблуждениях» или «заведомо ложных выводах», приравнивающих буддизм к христианству. В качестве примера «недоразумения» он приводит сказание о Варламе и Иосафе, пользовавшееся исключительным успехом на Востоке и Западе¹¹. Но ничего общего, по мнению исследователя, с этой «благонамеренно-наивной» переработкой буддийского материала «в христианском смысле» не имеют современные ему сознательные сближения двух религий: «В этом смысле несомненно вводит в заблуждение многих излюбленный прием разных западных публицистов, а у нас Л.Н. Толстого, сближать историческое и нравственное значение Христа с личностью и учением Будды либо Конфуция, словно между этими почетными мудрецами и Учителем из Назарета нет никакой существенной разницы»¹².

Более того, пишет Кожевников, «другие сторонники буддизма выступили с открытой проповедью его, как заме-

ны самого христианства для современной цивилизации. Такое «предрасположение к буддизму» на Западе было создано в значительной степени благодаря философским учениям Шопенгауэра и Гартмана, учениям, от которых, по выражению Кожевникова, «веет холодом буддийского пессимизма». Кожевников отмечает «опыты построения уже целой религиозно нравственной системы, предназначенной для замены собой христианства»¹³, к таковой он относит произведения Теодора Шульце. В этом смысле показательна также подробно описанная Кожевниковым деятельность Теософического Общества

Автор указывает и на первые попытки «рекламы северного буддизма», что было особенно актуальным для России, ввиду наличия народов, исповедовавших именно эту форму буддизма. В частности, он пишет о небольшой книжке Куроды о Магайяне, в английском и немецком изданиях, цель которой «построить для европейцев эти “первые уроки в мудрости северного буддизма”, в твердой уверенности и радостной надежде на успешное развитие буддийского движения Германии»¹⁴. Гораздо более серьезным подходом, по мнению Кожевникова, отличаются «Очерки махаянского буддизма» японского буддолога Судзуки, с которыми тот выступил для того, чтобы «опровергнуть множество ошибочных мнений о северной системе “со стороны западных критиков и толпы читателей”»¹⁵. При этом, как считает Кожевников, происходит приспособление к современному западному малoverию и неверию: «...На первый план выдвигается и рекламируется все к ним подходящее и, наоборот, бесцеремонно замалчивается или устраняется то, что в историческом буддизме не соответствует преобладающим тенденциям новейшей западной интеллигенции»¹⁶. Как раз против такого «ревизионизма» и направлен его труд.

Кожевников подчеркивает, что свое сравнение буддизма с христианством он, «насколько умел, старался проводить не путем сопоставления мелких деталей и не полемическим обличением буддизма, а путем разоблачения его существенных основ, тенденций и целей, настолько противоположных христианским, что после освоения с ними вопрос о мелких аналогиях и случайных, самобытно возникав-

ших совпадениях в некоторых частностях, представляется уже лишенным значения»¹⁷. Его работа — это не просто детальный очерк жизни и деятельности Будды и буддийской общины, а попытка радикального «разоблачения» буддизма, в самых своих основах, по мнению автора, противоположного христианству и западной культуре.

В начале части III первого тома «Очерк истории священных книг буддизма», который посвящен анализу буддийских сакральных текстов, Кожевников пишет о том, что «в отличие от неподвижного ислама, в отличие от христианства, столь богатого способностью к внутреннему развитию и к разнообразию внешних проявлений, при сохранении однако очень большой определенности в своих основных началах, буддизму свойственна не только существенная изменчивость в процессе его исторической жизни, но и удивительная неясность и неопределенность в самых важных чертах учения...»¹⁸. Но, отмечая, что священное писание буддизма не исчерпывает собою всего содержания его духовной жизни, автор в то же время считает, что «ознакомление с этим своеобразным духовным миром связано прежде всего с вопросами о происхождении, содержании и свойствах его священного канона»¹⁹. Этим обусловлена его попытка «в кратких чертах разобраться в этих крайне сложных и спорных вопросах»²⁰.

Кожевников выделяет ряд характерных черт «буддийского канона», и первой такой чертой, по его мнению, являются «громадные размеры даже в так называемом «южном» (палийском) своде священных книг (Трипитаке)²¹. Вторым отличительным признаком буддийского священного писания он называет «сложность, разнородность и значительную разноценность его состава»²². Третья специфическая черта буддийских священных книг состоит «в решительном преобладании дидактической (поучительной) стороны над исторической и в преобладании отвлеченного учения над живой личностью учителя»²³. В этом он видит их важное отличие от Священного Писания: «Библия не ставит своей главной целью научение историческое, главное назначение Библии иное, несравненно высшее — религиозное и нравственное научение»²⁴.

Особенности буддийских доктринальных текстов — «беспредельность во времени и неопределенность в пространстве — две характерные черты всякого индусского, и, в частности, буддийского повествования»²⁵. Отсюда Кожевников выводит еще одно различие буддизма и христианства: «Личность Учителя решительно затмевается самой доктриной и в этом — новая основная противоположность буддизма христианству. Учение Христа неразделимо без нее, как единственной в своем роде, исключительной, ни с какой другой несравнимой и неповторимой личности»²⁶. И последняя характерная черта, которую выделяет в «буддийском священном писании» автор данного труда, — это преобладание рассуждения, «рефлексии» над чувством: «Готама всегда обращается не к чувству человека, не к сердцу, а к разуму, и первое условие для успешного принятия его учения — не душевное настроение, не порыв сердца, а ясность ума, способность правильно и последовательно, без ошибок и пропусков, хладнокровно разобраться между истинной и заблуждением». По Христу, совершенство — в полноте любви; по Готаме — в полноте знания»²⁷.

В заключение этого раздела Кожевников делает вывод: «Ясно, таким образом, что буддизм есть учение о спасении без спасителя, а в этом — его столь существенное отличие от христианства, что удвоившего одну эту черту становится невозможным говорить о сходстве между двумя учениями»²⁸. С данным тезисом — о «спасении без спасителя» — кстати, соглашались и признанные в России исследователи буддизма: «Действительно, он <буддизм> не знает Творца наподобие человека, он не знает сотворения мира в пределах истории, он не знает исторического Спасителя, он отрицает познаваемость того Высшего, которое у индийцев называется мировым духом. Тот, кто признаком религии считает эти факторы, тот, конечно, не признает буддизм за религию»²⁹. Но в то же время известный буддолог О.О. Розенберг отмечал, что в «основе своей буддизм — прежде всего именно религия. Он не только рассуждает о спасении, а стремится к конкретному осуществлению его, развивая в созерцании религиозный опыт человека. Он создает общину — церковь, создает культ и проникается идеей миссионерства»³⁰.

Во втором томе «Буддизма в сравнении с христианством» Кожевников подробно рассматривает деятельность и состав буддийской сангхи, обращая внимание на ограничение круга лиц, для которых предназначалось буддийское учение, что опять-таки, по его мнению, значительно отличало ее от христианской церкви: «Учение Будды в его строгом смысле и полном составе относилось не ко всем желавшим внимать ему, а только вступившим в учрежденную им монашескую общину, санху. Только принятые в нее и принесшие установленные обеты иноки (бикху, бикшу) и инокини (бикхуни, бикхушуни) считались полноправными, истинными правоверными; миряне же (упасаки) и мирянки (упасики), хотя бы и признававшие учение, оставались на особом, преуготовительном положении, в качестве лишь отчасти оглашенных учением, с пониженными от таких лиц исповедальными и нравственными требованиями, но и ответствен меньшими правами на участие в жизни общины, а, главное, с меньшими средствами и надеждами на духовный прогресс и на достижение конечной цели»³¹.

Автор останавливается на отношении буддизма к труду и к проблеме «делания» и «неделания»; на отношении к женщине и семье. Особое внимание обращается на воспитание в буддизме чувств к живому и осуществление добра для этого живого, Кожевников подчеркивает «пассивную добродетель дхаммы»: «Эта “метта”, эта буддийская любовь, точнее передаваемая словом “благорасположенность”, проявляется однако, согласно с общей негативной тенденцией буддийской аскетике, более в пассивном воздержании от дурного, нежели в энергичном осуществлении добра»³². При этом он замечает и положительное влияние ряда буддийских идей на индийское общество: «Во всяком случае, решительный отказ самого Готамы и его последователей от животных жертв оказался чрезвычайно влиятельным на окружающую среду, и в этом, несомненно, одна из главных заслуг буддизма в деле нравственного перевоспитания индусского общественного сознания»³³. В целом же автор уверен в асоциальности буддизма, его безразличии к решению общественных проблем: «...Буддизм своею доктриною непротивления злу оказал разлагающее влияние на государствен-

ную и политическую жизнь народов, его исповедавших... поощрил и без того присущую Дальнему Востоку и индусскому Югу склонность к социальной апатии»³⁴.

Какова же все-таки историческая миссия буддизма, его роль в познании сущности человеческого бытия? Кожевников пишет: «Глубже и живее кого-либо буддизм познал правдивость трагического вопля страждущего человека: “немощен есмь!” и в этом — всемирно-историческая заслуга буддизма, в воспитательном, показательном смысле не изжитая еще и поныне»³⁵. Но, как считает православный философ, «буддизм совершенно не познал второй истины, немедленно следующей за первую; он не расслышал или не захотел услышать второго клича души человеческой, клича верующего во спасение Благодатию Божией: “помилуй мя, Господи, яко не токмо немощен есмь, но и Твое есмь создание” (3-я молитва пред святым причащением Симеона Метафраста). В лице буддизма тварь забыла и отринула своего Творца и Промыслителя, поставивши на Его место роковой, бессмысленный круговорот будто бы безначальных, слепых космических сил. Отсюда — неутешная, неисцелимая скорбь буддийского пессимизма. Этого законченного воплощения “души, не имеющей упования”»³⁶.

В качестве некоторых штрихов к краткому и схематичному описанию культурного фона создания анализируемого произведения можно привести ряд интересных примеров, свидетельствующих о вхождении восточной философии в интеллектуальную жизнь России начала XX века. Например, в 1910 — 1912 гг. в Санкт-Петербурге был издан учебник «Общая история философии» В. Вундта, Г. Ольденберга, И. Гольциэра, В. Грубе, Тетуджиро Инуйе, Г. фон Арнима. К. Бэймейкера, В. Виндельбанда, в переводе В. Яшунского, под редакцией проф. А.И. Введенского и Э.Л. Радлова. В этом учебнике в первом томе есть раздел «Индийская философия», написанный Г. Ольденбергом. В нем отсутствуют темы, посвященные непосредственно буддизму, но автор достаточно основательно анализирует философию брахманизма, санкхьи, шанкары, вайшешику и ньяю, учение чарваков.

Интерес к буддизму проявляют интерес и другие русские философы. Среди них В.В. Лесевич, который написал

несколько работ о буддизме: «Буддийский нравственный тип», «Новейшие движения в буддизме», «Религиозная свобода по эдиктам царя Асоки Великого». В 1902 г. была издана его небольшая по объему книга «Буддийские легенды и их соотношение с буддийскими догматами». Следует заметить, что для позитивиста Лесевича привлечение буддийского материала является своеобразной иллюстрацией «безжизненности» и схематизма метафизических построений, в том числе и в догматической части буддизма. По его мнению, для религиозных чувств буддистов более значимыми могут оказаться «продукты восточной фантазии» — легенды. Автор опирается на мнение известного буддолога С.Ф. Ольденбурга о том, что «в то время, когда догматы почти исключительно обращаются к вопросу о спасении, верования массы, высказывающиеся в легенде, обходят конечные вопросы и касаются главным образом этической непосредственной стороны дела»³⁷.

«Буддизм в сравнении с христианством» В.А. Кожевникова была написана в то время, когда в России активно развивалась Санкт-Петербургская буддологическая школа. Публиковались труды И.П. Минаева, Ф.И. Щербатского, О.О. Розенберга, С.Ф. Ольденбурга, в которых присутствовало желание ввести буддийскую философию в историю мировой философии и культуры, познакомить читателя с образцами восточной мудрости, рассмотреть не только историко-философские, но и современные для того времени философские проблемы в контексте буддийских идей.

Эти «калейдоскопические» примеры — свидетельство того, что в начале XX в. возникла ситуация напряженного интереса к восточным учениям, в том числе и к буддизму, в России, что было связано с геополитическими интересами страны, влиянием западноевропейской философии, прежде всего Шопенгауэра, развитием отечественных востоковедных исследований, появлением необуддизма и теософии. Отношение к Востоку отличалось в это время чрезвычайным разнообразием: от жаркого интереса и поиска ответов на вопросы, связанные с кризисом западной цивилизации, до настороженного неприятия как антипода опять-таки западной (христианской) культуры. Так, в 1917 г. в первом номере жур-

нала «Христианская мысль» была опубликована рецензия на «Буддизм в сравнении с христианством», написанная В.В. Зеньковским. Известный религиозный философ и историк русской философии отмечает целый ряд достоинств труда Кожевникова, особо подчеркивая: «Все изложение В.А. Кожевникова проникнуто нежным чувством к чужим религиозным внехристианским переживаниям, ему чуждо пренебрежение, высокомерное презрение ...». При этом ему <Кожевникову> «открыта относительная правда этих внехристианских достижений именно потому, что ему открыта полнота христианской истины»³⁸. С присущей ему эмоциональной искренностью Зеньковский пишет о вреде теософии и о своей солидарности с идеями работы Кожевникова³⁹.

И, возвращаясь к вопросу в названии нашей статьи. Бесспорно, целью труда Кожевникова является прежде всего демонстрация превосходства веры в Христа при использовании сравнительно-сопоставительного анализа. Бесспорно, выводы этого сравнительного анализа предопределены религиозно-философскими целями, которые Кожевников назвал в предисловии к своей книге. В то же время эта работа имеет несомненное значение в истории русской философии и отечественных сравнительных исследований.

В данном обширном труде этого далеко еще не оцененного по достоинству философа содержатся достаточно полные сведения о развитии западной классической буддологии, поскольку работа Кожевникова базируется на многочисленных исследованиях европейских востоковедов⁴⁰. Его книга дает представление об уровне религиозоведческих знаний философов и ученых того времени и их отношении к сравнительному изучению религий, в том числе и самого автора. Исходя из полемики Кожевникова с современными ему «любителями буддизма» можно также судить о степени распространенности и о влиянии на культуру Запада и России необуддизма и теософии. И, наконец, «Буддизм в сравнении с христианством» — это интересный историко-философский источник, свидетельствующий об особенностях восприятия буддизма в русской религиозной философии того периода и о тех вопросах, которые стали разрабатываться в русской философии под влиянием отношений с философией буддийской.

Примечания

- ¹См.: *Шургаия А.В.* Православный ученый-энциклопедист // *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. М., 2002. Т. I. С. I.
- ²См.: *Шохина В.К.* Предисловие // *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. I. С. XVII.
- ³Там же. С. 7.
- ⁴Там же.
- ⁵Там же.
- ⁶Там же. С. 12.
- ⁷Там же.
- ⁸Там же. С. 14.
- ⁹Там же.
- ¹⁰Там же.
- ¹¹См. там же. С. 16.
- ¹²Там же. С. 22.
- ¹³Там же. С. 24.
- ¹⁴Там же.
- ¹⁵Там же.
- ¹⁶Там же. С. 28.
- ¹⁷Там же.
- ¹⁸Там же. С.36.
- ¹⁹Там же. С. 46.
- ²⁰Там же.
- ²¹См. там же. С. 117.
- ²²Там же. С. 125.
- ²³Там же. С. 127.
- ²⁴Там же.
- ²⁵Там же. С. 134.
- ²⁶Там же.
- ²⁷Там же. С. 141.
- ²⁸Там же. С. 140.
- ²⁹*Розенберг О.О.* Труды по буддизму. М., 1991. С. 40.
- ³⁰Там же.
- ³¹*Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. II. С. 335.
- ³²Там же. С. 350.
- ³³Там же. С. 355.
- ³⁴Там же. С. 426.
- ³⁵Там же. С. 683.
- ³⁶Там же.
- ³⁷Цит. по: *Лесевич В.В.* Буддийские легенды и их соотношение с буддийскими догматами. С. 10.
- ³⁸Там же. С. 138.
- ³⁹См. там же.
- ⁴⁰См.: *Шохин В.К.* Предисловие // *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. I. С. XX.